

С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, Г. Х. Самигулов
**СЛЮДЯНЫЕ ОКНА В ПОСТРОЙКАХ ТАРЫ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ
 В XVII–XVIII В.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142

УДК 903.27(470.57)

ББК 63.442.12(235.55)

Слюда широко использовалась в России XVII–XVIII вв. как материал для оконных рам: слюдяные пластинки полупрозрачны и хорошо пропускают дневной свет. Материалы археологического изучения города Тары и окрестных поселений позволяют реконструировать некоторые характерные черты в использовании слюды в этот период. На раннем этапе существования города (1594–1629 гг.) слюдяные окна делали в церквях и домах воевод и богатых горожан. К концу XVII в. этот материал становится доступным для рядового населения города и окрестных деревень. В XVIII в. из-за пожаров происходит перепланировка Тары, при этом постепенно увеличивается каменная застройка. Каменное строительство и относительная доступность оконного стекла привели к постепенному вытеснению слюды к концу XVIII в. Археологические находки в Таре позволили реконструировать технологию изготовления слюдяных окон. Воссоздано витражное окно из церкви святых Бориса и Глеба, сгоревшей в 1629 г. Проведенные архивно-библиографические изыскания позволили выяснить, что добыча слюды с первой трети XVII в. производилась на Южном Урале, к концу столетия разработки носили уже промышленный характер. Добыча слюды велась до конца XVIII в. Велика вероятность того, что именно уральская слюда использовалась в строительстве жителями Тары и ее окрестностей.

Ключевые слова: *Тара, XVII–XVIII вв., слюдяные окна, археология, ремесло, реконструкции, торговля*

Окну как важному элементу сибирского деревянного зодчества посвящено достаточно исследований: на основе этнографических, письменных и изобразительных источников рассмотрены этапы эволюции, планиграфические и конструктивные особенности, дана характеристика размеров и оформления оконниц.¹

¹ См.: Черная М. П. «Сквозь окошечко косячатое... Сквозь стеколинку стеколчату» // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014.

Татауров Сергей Филиппович — к.и.н., доцент, ведущий сектором археологии, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (г. Омск)
 E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна — к.и.н., доцент, с.н.с. сектора археологии, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН (г. Омск)
 E-mail: li-sa65@mail.ru

Самигулов Гаяз Хамитович — к.и.н., с.н.с. Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
 E-mail: gayas_@mail.ru

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 14-50-00036 и при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание № 33.5494.2017/БЧ)

Публикации по слюдяным окнам в традиционном домостроительстве русских в основном касаются формы оконных проемов и композиции витражей.² Лишь немного работ посвящено технологиям их производства.³

Анализ слюды как материала для окон, фонарей и другой утвари в домах сибирских воевод и зажиточных жителей Томска с использованием данных археологии представлен М. П. Черной.⁴ Но культурный слой Томска донес до нас немного информации о внешнем виде окошек и ничего не позволяет сказать о том, как их делали. Немногочисленны данные и по результатам раскопок других памятников. В Мангазее, где хорошо сохраняются органические материалы, обнаружены части

Т. 1. С. 307–312; Она же. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015. С. 92–104.

² См.: Уханова И. Н. Слюда в русском народном искусстве // Музей русского народного искусства и художественные промыслы М., 1972. Вып. 5. С. 148–168; Киселёв И. Слюдяные оконницы // Декоративное искусство СССР. 1981. № 4. С. 15–18; Княжицкая Т. В. «Окна в прошлое». Древнерусские оконницы — забытое наследие ушедшей культуры // Мир музея. 2001. № 7. С. 4–7.

³ См.: Дубовик М. М., Либман Э. П. Две жизни чудесного камня: Из истории слюдяного промысла в России. М., 1966; Серебряник И. А. Слюда: прошлое и настоящее ценного минерала. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1429005992> (дата обращения: 15.12.2016).

⁴ См.: Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. С. 92–104.

деревянных оконных рам и отдельно — фрагменты слюды со следами скрепления.⁵ В материалах последних лет исследований этого памятника имеются рамы оконниц размером 17 × 14 см, внешние рамы под оконницы размером 40 × 32 см и слюдяные пластины.⁶ Фрагмент оконницы в виде обломков деревянной рамы с вставками слюды, скрепленными металлическими полосками, найден при раскопках Нерчинска.⁷

Более информативны археологические материалы города Тары и сельских поселений Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. Благодаря природным и историческим факторам в Таре сформировался уникальный культурный слой, в котором сохраняются изделия из органических материалов.⁸ Историко-археологическое изучение деревень Тарского Прииртышья показывает, что традиция использования слюдяных окон была принесена в село служилыми города Тары.

На основе данных археологии нами осуществлена реконструкция технологии изготовления слюдяных окон, а также проведен поиск возможных источников поступления слюдяного сырья в Тару и деревни Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.

*Строительная история Тары
и археологические материалы
Тарского Прииртышья по слюдяным окнам
и оконницам*

Раскопки города Тары дали массив информации по истории основания и развития города, по системе жизнеобеспечения населения, одним из основных элементов которой является жилищный комплекс.

Стратиграфия культурного слоя Тары в совокупности с дендро-датами раскопанных построек⁹ позволила выделить два этапа при-

менения слюды в городском строительстве. Критерием послужило распространение слюды по площади изученной части города и наличие слюдяных окон в конкретных видах зданий.

Первый этап — с основания города в 1594 г. и до 1629 г., когда случился один из самых масштабных пожаров, после которого впервые с момента постройки Тары была сделана перепланировка крепости и острога. Это бедствие в череде огненных стихий 1624, 1629, 1669 гг. знаменательно одним событием: сгорела Борисо-Глебская церковь, и она не была восстановлена. Пожарище удалось зафиксировать в ходе раскопок по анализу стратиграфии и планиграфии, а также по скоплению слюды, которая вместе со значительной частью деревянных конструкций после пожара была засыпана слоем щепы и суглинка.

До 1629 г. культурный слой Тары отмечен четкой локализацией слюды на местах нахождения церквей. В первые годы после основания города были поставлены церкви Успенская, Спасская, Бориса и Глеба, а позднее — Параскевы Пятницы. Построенные из дерева, они многократно горели и потом отстраивались на том же месте. Только с середины XVIII в. вместо деревянных церквей постепенно стали возводить каменные храмы. Из-за многократного восстановления культурный слой на территории храмовых комплексов сильно поврежден и практически не содержит целых конструкций конца XVI — начала XVII вв., слюда представлена фрагментами и большим количеством крошки.

Кроме храмовых зданий, слюду использовали и в жилищном строительстве. В границах Тарской крепости раскопана одна из усадеб, сгоревшая в 1669 г. В ходе ее исследования найдено много целых пластинок слюды, по форме близких к правильному пятиугольнику, а также фрагментов и слюдяной крошки у стен главного дома-пятистенка. Рядом с другими зданиями (избы для челяди, бани и надпогребницы) слюды не было. Такие же пластинки зафиксированы при раскопках некоторых домов этого горизонта в острожной части города.

Слюда обнаружена и в культурных слоях русских деревень Тарского Прииртышья. В деревне Ананьино (памятник Ананьино-I, Тарский район Омской области), появившейся в первой четверти XVII в. в 15 км от города Тары на правом берегу Иртыша, в изученных жилищах и на большей части исследованной

⁵ См.: Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. М., 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. С. 17, 99, табл. 5.

⁶ См.: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. С. 70, 215, рис. 99.

⁷ См.: Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 61, 288, рис. 70.

⁸ См.: Татауров С. Ф., Черная М. П. Земляная летопись Тары: археологический комментарий к истории города // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 86–91.

⁹ Определения сделаны коллективом под руководством В. С. Мыглана в ходе выполнения работ по проекту «Культура, система жизнеобеспечения и этносоциальная история деревни Ананьино в XVII–XIX вв. (по археологическим, письменным, этнографическим источникам и результатам естественнонаучных исследований)» (рук. Л. В. Татаурова).

площади памятника зафиксированы фрагменты слюды и крошки. При раскопках избы-связи, датированной серединой XVII в., найдены остатки косящной рамы и ставня, скопление слюдяных пластин прямо- и пятиугольной формы (см. цв. вклейку: рис. 1, 2, 3, 9). Не редки такие находки (рис. 1, 1) и на другом археологически изученном русском комплексе XVII–XVIII вв. — Изюк-I (бывшая деревня Изюк основана в 1662–1670 гг., Большереченский район Омской области), расположенном в 60 км к югу от города Тары. Среди основателей деревни были выходцы из Тары и деревни Ананьино.¹⁰

Все это свидетельствует о том, что слюдяные окна были распространены в домах жителей города Тары и его окрестностей. По данным О. Н. Вилкова, стоимость «окончин слюдяных» составляла в 1639/40 г. 0,12 руб. за штуку; в 1655/56 — 0,03 руб.¹¹ Уменьшение стоимости готовых оконниц, вероятно, связано с появлением местных умельцев, научившихся их изготавливать.

Второй этап применения слюды в городском строительстве Тары начинается с 1630 г. и заканчивается в 1790-х гг. Верхняя дата расплывчата, ее маркером можно считать время, когда стекло становится основным материалом при изготовлении окон. В границах этого периода значимым был пожар 1709 г., положивший конец общегородским огненным стихиям, потому что после него город восстанавливали уже по другим правилам планиграфии. С последней трети XVIII в. стали использовать новые строительные материалы — кирпич и стекло. Распространению стекла способствовали новые технологии его производства, которые, с одной стороны, повысили его качества — прозрачность и прочность, а с другой — снизили его себестоимость. В деревнях Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. оконное стекло тоже использовали, но в незначительном количестве, и его появление следует связывать уже с XIX в.

Во второй половине XVIII в. в Таре началось сооружение сразу нескольких каменных православных храмов — Спасской церкви (1764), Никольского собора (1774), Казанской церкви (1777), Успенского собора (1792). Участвовавшее в строительстве местное купечество

параллельно возводило себе особняки. Этот строительный бум привел к увеличению спроса на стекло и к постепенному вытеснению слюдяных окон.

Слюдяные окна в постройках города Тары в XVII–XVIII вв.: археологические реконструкции

Церковь Бориса и Глеба, единственная из тарских храмов не отстроенная после пожара 1629 г., в раскопе была перекрыта слоем строительного мусора и супесчаной засыпкой. Причин невосстановления церкви было две. Первая заключается в сугубо городской необходимости использования этого места для постройки богадельни, а впоследствии — дома инвалидов и пожарной части (построена ок. 1710 г.); вторая — в наличии рядом еще двух церквей — Успенской и Св. Николая. В описаниях Тары того времени местоположение церквей дано условно, и лишь приблизительно известно, где находилась церковь Бориса и Глеба. Поэтому когда в раскопе зафиксировали остатки большого сооружения в виде сильно обугленной древесины, его не сразу соотнесли с храмом. Только после обнаружения металлических фрагментов переплета и разнофигурных слюдяных пластин появилась гипотеза, что конструкция могла быть церковью Бориса и Глеба.

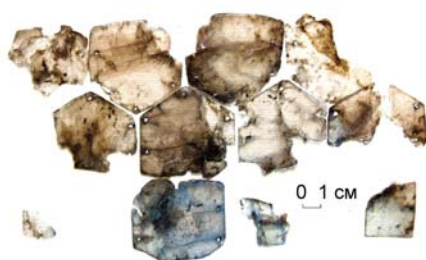
Пожар шел с западной стороны и полностью уничтожил здание. Его не пытались тушить, и сруб сгорел до нижнего венца. Для археологов это оказалось удачей: остатки восточной стены рухнули, погребая под собой окна. По традициям православного храмового строительства в восточной, алтарной, части делали три окна, символизировавших святую троицу (могло быть и два окна, а третье заменяли иконой).¹² Археологически можно было локализовать только одно.

Проследить полностью форму окна не удалось, рама сгорела, но слюдяные пластинки сохранили свое расположение (они были придавлены деревом и затем присыпаны песком и мусором). Сильно обгорел и металлический оконный переплет, однако количество и расположение уцелевших фрагментов оказалось достаточным, чтобы воссоздать общий вид окна и технологию его изготовления.

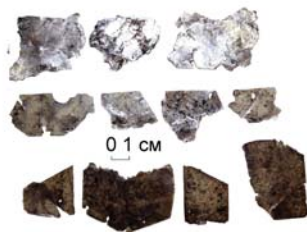
¹⁰ См.: Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск, 2012.

¹¹ См.: Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. С. 88.

¹² См.: Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М., 1986.

1

2

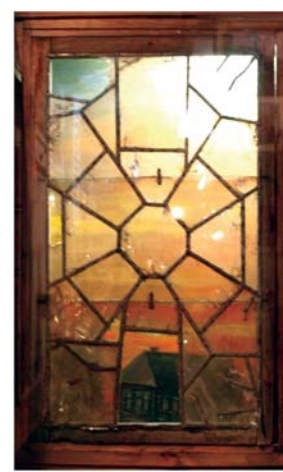
3

4

5

6

7

8

9

Материалы археологических раскопок из г. Тары и деревень Тарского Прииртышья, реконструкция витражного окна церкви св. Бориса и Глеба г. Тары и его аналогии:

- 1 — слюдяные пластины из культурного слоя д. Изюк;
- 2, 3 — скопление слюдяных пластин в раскопе жилища д. Ананьино;
- 4, 6 — аналогии композициям тарского окна из Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (по: Черная 2015: 95) и Красноярского краевого краеведческого музея;
- 5 — реконструкция витражного окна церкви св. Бориса и Глеба;
- 7 — металлическая фигурная заклепка для переплета;
- 8 — слюдяные пластины на месте расположения церкви св. Бориса и Глеба;
- 9 — фрагмент резного наличника из жилища д. Ананьино

Всего в ходе раскопок было найдено около 300 фрагментов слюды, но целых пластинок только 15 %. Это стандартные сегменты, которые можно разделить на три вида: параллелограмм со сторонами 7,3 и 7,0 см; параллелограмм со сторонами 7,0 и 5,0 см с продолговатым вырезом на одной стороне; лепестки длиной 9,0 и шириной 4,3 см ассиметричной формы (рис. 1, 8). При наложении лепестков друг на друга видно, что их вырезали по шаблону, но грубо, не стараясь, чтобы они были одинаковыми. По определенным графаретам готовили и остальные виды пластинок. На краях окна они имели индивидуальные размеры, зависевшие от величины оконницы и от композиции центральной части окна.

В центре окна был цветок из четырех лепестков, ориентированных по вертикали и горизонтали. С двух сторон по горизонтали к ним присоединялись еще лепестки, тем самым деля окно на верхнюю и нижнюю части. Металлический переплет формировал вертикальные зоны и поперечные, которые шли наискось, окружая цветок (рис. 1, 5).

Особенностью является разделение окна по качеству слюды на центр, составлявшийся из больших пластинок, наиболее прозрачных, без трещин и изломов, и периферию, выполненную из менее качественных элементов. Подобная практика известна не только в Таре (рис. 1, 4). Края оконницы собирались из нескольких фрагментов слюды, которые крепились между собой дополнительными заклепками или просто заходили друг за друга. Прямоугольные миниатюрные фрагменты с несколькими отверстиями свидетельствуют о том, что их применяли как дополнительные крепления между слоями слюды.

Переплет состоял из железных полосок шириной 9–10 мм и толщиной 0,7–1,0 мм. Сходный принцип формирования окон описан И. Е. Забелиным для московских построек: «Большие круги слюды помещались всегда <...> в середине окончины, а около располагались боковые образцы разной формы, также углы и пахлилки или мелкие вырезки».¹³

Рассмотрим технологию сборки окна. После того как слюда была разрезана на необходимые по размеру и форме пластинки, ее раскладывали так, чтобы края пластин заходили друг на друга, затем сверху и снизу прикладывали

железные полоски переплета, которые прокальывали вместе со слюдой. В получившиеся отверстия вставляли кусочки проволоки, или небольшие гвоздики, или кусочки свинца и заклепывали с двух сторон. На местах пересечения нескольких полосок переплета поверх накладывались квадратные железные пластинки размером 1,5 × 1,5 см, которые скрепляли всю конструкцию. Были и фигурные металлические крепления «розетки», но большинство их уничтожено огнем (рис. 1, 7). По краю «сшитого» окна делали металлическую окантовку из согнутых буквой «П» полосок железа. Всю конструкцию вставляли в паз деревянной рамы. По технологии сборки тарская оконница близка слюдяному окну из экспозиции Красноярского краеведческого музея (рис. 1, 6).

В ходе исследования хронологического горизонта первой половины XVII в. в раскопах острожной и крепостной частей города зафиксировано несколько фрагментов оконных косяков и одна целая конструкция. Косящница окна могла иметь выемку под раму как по всем сторонам, так и только сверху и снизу (в этом случае она по бокам была скошена внутрь или наружу — в зависимости от того, с какой стороны вставляли оконницу). Косяки закрывались наличниками. В культурном слое деревни Ананьино найден фрагмент наличника, украшенного резьбой (рис. 1, 9).

В ходе реконструкции удалось установить размеры только части окна — 53 × 43 см. По наличию слюдяных фигурных пластинок-лепестков стало очевидно, что это витражное окно со сложной композицией, величина которого около 80 × 60 см.

Анализ собранной в ходе раскопок слюды позволил сделать вывод о том, что в витражах тарских храмовых окон преобладала центрально-радиальная композиция, подобная вышеописанной.

Добавим несколько слов об инструментах и мастерских, в которых могли изготавливать окна в Таре. В письменных источниках XVII–XVIII вв. пока не найдено свидетельств о профессионалах-оконщиках. В связи с этим интересны наблюдения по сапожной мастерской второй половины XVII в., раскопанной в острожной части города.¹⁴ В ней вместе с несколькими сотнями фрагментов кожи найдено большое количество обрезков слюды. Для

¹³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. Т. 1. М., 1895. С. 138.

¹⁴ См.: Богомолов В. Б., Татауров С. Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 г. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2010. С. 91–96.

Тары, которая в XVII–XVIII вв. очень медленно развивала свое ремесленное производство, видимо, было обычным, когда ремесленник занимался сразу несколькими занятиями. Тем более, что сапожников и чоботников во все исторические периоды развития города было больше всего.¹⁵ Вероятно, и в изученной мастерской было налажено производство слюдяных окон: набор инструментов сапожника вполне годился для этого. Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении пластинки слюды и их части, можно заключить, что для нарезки небольших фрагментов и вырезания вогнутых граней использовали ножницы. Нож с тонким широким окончанием лезвия и шило применяли при прокалывании отверстий для скрепления слюды и переплета. Небольшим молотком на наковальне сгибали металлические полоски и выравнивали переплет. В мастерской найдено много полосок слюды шириной 2–4 мм, которые свидетельствуют о том, что ее обрезали под размеры оконницы. Это логично, учитывая последовательность сборки окна, несмотря на достаточно высокую стоимость слюды, которую погорельцам компенсировали за счет денежной помощи городских властей.

Источники поступления слюды в Тарское Прииртышье

Важным является вопрос об источниках поставок слюды в Тару. По мнению М. П. Черной, в начале XVII в. в Томск слюда поступала с Алтая, а с 1680-х гг., с открытием залежей этого минерала в верховьях Томи, стали использовать местные запасы.¹⁶ В Тарском Прииртышье таких сырьевых возможностей не было, поэтому Тара и Тарский уезд, являясь в XVII в. частью Тобольского разряда, были связаны с торговыми путями и рынком Тобольска. Слюдяной камень, согласно таможенным книгам, регулярно поступал в Тобольск, его стоимость в течение XVII в. практически не изменялась и составляла 0,14 руб. за фунт.¹⁷ Поскольку в связи с пожарами здесь был постоянный спрос на строительные материалы, в число которых входила слюда, сибирские воеводы старались не только найти местные сырьевые ресурсы, но и наладить поставки с уже известных месторождений, например с Урала.

Кроме того, система путей сообщения, сложившаяся в Сибири, через Уральские горы соединяла этот регион с Москвией, поэтому в городах, стоящих на этих дорогах, выросли ярмарки (например, Ирбитская), через которые с Руси поступали товары, в том числе и уральская слюда. Потребности строящихся городов и деревень Сибири сыграли роль стимулятора слюдяного промысла, оттого поиски и разработка месторождений слюды проходили даже в степных районах Южного Урала, где еще не до конца была разрешена конфликтная ситуация с кучумовичами и их союзниками.

Наиболее ранняя информация о разведке месторождений уральской слюды содержится в работе А. А. Преображенского: «Расходные книги верхотурской приказной избы за март–апрель 1628 г. отразили выдачу денег на проведение изыскательских работ по разведке месторождений слюды».¹⁸ В «Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала», в челобитной зауральских крестьян и беломестных казаков сказано: «Во 181-м году августа в 1 день в отписке ж из Сибири с Уральских гор думного дворенина Якова Тимофеевича Хитрово с товарищи написано: по указу блаженныя памяти государя и по грамотам велено им из сибирских городов идти на Уральские горы, серебряной и иных руд и слюды в Уральских горах и в иных местах сыскивать».¹⁹ Стоит заметить, что в работе Е. А. Курлаева и И. Л. Маньковой, где подробно рассмотрена история экспедиции по поиску серебряной руды на Южном Урале в 1669–1673 гг., о задачах поиска слюды не упоминается.²⁰ Возможно, в челобитной 1695 г. слюда упоминалась в силу представлений о важности этого минерала. В той же челобитной приводятся следующие данные: «Во 197-м и 198-м годах по указу блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича посланы грамоты из Сибирского приказа в Сибирь в Тобольск, велено близ Уральских гор в гороже, в камению промыслять на них великих государей слюду, а в промысле и в присылке ис Тобольска к Москве в Сибирский приказ слюды 900 пуд, в продаже

¹⁵ См.: Тара в XVI–XIX веках — российская крепость на берегу Иртыша / Д. А. Алисов [и др.]. Омск, 2014. С. 103, 122.

¹⁶ См.: Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. С. 92–104.

¹⁷ См.: Вилков О. Н. Указ. соч. С. 109.

¹⁸ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972.

¹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.

²⁰ См.: Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

по 3 руб. пуд».²¹ Соответственно, слюда, полученная с месторождений Урала, поступала в Москву, и в немалых количествах.²² В этом случае мы можем точно определить место, где была ее разработка: на карте С. У. Ремезова, составленной по материалам сыска тобольского дворянина И. Полозова, в рамках процитированного выше «Дела о спорной земле...» показаны Слюдные горы и даже дорога к Слюдным горам.

В 1690-х гг. добыча слюды на территории Тобольского разряда была отдана в монопольное содержание подьячему приказной палаты Якову Лапину. Он жаловался, что крестьяне Новопышминской слободы «на приискных ево слюдных местах утайкою слюду промышляли и на Ирбитцкой ярманке продавали».²³ Я. Лапин имел разрешение на разработку тех месторождений, где до этого «промышляли слюду на великих государей», а также на поиск и эксплуатацию «вновь слюдных мест».²⁴ В 1693 г. на добыче слюды у него работало 100 человек под руководством его племянника Ивана Коляева. Как пишет А. А. Преображенский, промысел Я. Лапина был расположен по рекам Ую и Увелке.²⁵ Место расположения разрабатываемых им рудников можно уверенно определить с помощью еще одной карты С. У. Ремезова — «Чертежа» к «доезду» полковника Л. И. Парфентьева. Полковник Леонтий Иванович Парфентьев служил в Сибирском драгунском полку от его восстановления в 1698 г. и, как минимум, до 1709 г.,²⁶ но поскольку в «доезде» упоминаются воевода князь Михайло Яковлевич и стольник князь Алексей Михайлович Черкасские, то датировать документ можно 1709–1710 гг. а точнее, весной 1710 г.²⁷ Эти сведения важны, потому что А. А. Преображенский полагал, что слюдной промысел Я. Лапина к 1697 г. уже не существовал.²⁸ Но если верить карте С. У. Ремезова, избы слюдного промысла уцелели во время восстания 1705–1709 гг. либо же к моменту составления «чертежа» были отстроены вновь.

Надо отметить, что в сравнении с «чертежом» 1695 г. документ 1710 г. показывает изменившуюся ситуацию. На карте 1695 г. Слюдные горы показаны недалеко от озера Чебаркуль, а на «чертеже» к «доезду» полковника Парфентьева горы Слюдные обозначены рядом с озером Чебаркуль, из которого вытекает река «Койлна» (а точнее, Коелга). Выше (т. е. западнее) в горах, у истоков реки Кабанки, показаны «Слюдные новыя места», чуть ниже по Кабанке, по правому ее берегу, — «промысел слудной» и «признаки слудные», а далеко на юге (в левой части карты), ниже слияния рек Увелки и Кабанки, мы видим «Займку Лапина, избы слудного промыслу». Интересно, что его займка стояла практически в степной зоне. О разработках слюды в этой местности в более позднее время, в отличие от окрестностей озера Чебаркуль, ничего не известно. Вполне возможно, что оба места разработки этого полезного ископаемого эксплуатировались Я. Лапиным, поскольку ему было разрешено использовать старые месторождения, которые в 1690-х гг. еще не были выработаны, более того, добыча там продолжалась и в конце XVIII в.

О дальнейшей истории разработки месторождений слюды известно в связи с Чебаркульской крепостью, где одним из видов приработка ее жителей была ломка слюды. Так, известный персонаж уральской истории, чебаркульский казак Каменщиков, имел вторую фамилию (прозвище отца) Слудников, поскольку его отец занимался добычей слюды.²⁹ Сохранилось описание слюдных разработок в окрестностях Чебаркульского озера в записках П. С. Палласа: «На дороге к новой копане (карьеру, выработке — *авт.*) находится старая копань, из которой прежде сего казаки слюду доставали, и таковых говорят по западной стороне Чебаркуля и Еланджика (оз. Большой Еланчик — *авт.*) по лесу находится и больше, в которых однако ж камень и положение онаго такое ж, какое в новом (карьере — *авт.*). Сия новая копань лежит от крепости в пяти верстах к северо-западу на несколько холмистом каменном урочище, в котором все почти состоит из ... фельдшпата ... В оном фельдшпате сыскивают слюду гнездами <...> лежит или дощечками или толстыми слоями, обыкновенно нечиста, прозрачностию посредственна, и редко больше пядени величиной бывает. Копань

²¹ Материалы по истории Башкирской АССР.

²² См.: Преображенский А. А. Указ. соч. С. 233.

²³ Там же. С. 234.

²⁴ Там же. С. 233.

²⁵ Там же. С. 234.

²⁶ См.: Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1.: 1700–1713. СПб., 1882.

²⁷ Там же. С. 364–368; Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Челябинск, 2011. Вклейка, рис. 5.

²⁸ См.: Преображенский А. А. Указ. соч. С. 234.

²⁹ См.: Дело о самозванце Ф. И. Каменщикове-Слудникове (материалы по истории самозванчества и крестьянского протеста на Урале в середине XVIII в.). Екатеринбург, 1992.

сама состоит из раскидного рва местами до двух саженей глубокого, в коем зимою ежегодно работают на щет Уфимскаго магистратскаго председателя».³⁰

Таким образом, мы можем констатировать, что слюды на восточных склонах Урала начали добывать уже в первой трети XVII в. и продолжали ее добычу до конца XVIII в. Неизвестно, где именно находилось месторождение слюды, обнаруженное людьми, отправленными от Верхотурской приказной избы в 1628 г., но можно допустить, что это были именно те Слудные горы, где позже добывалась слюда для отправки в Москву и которые показаны на карте С. У. Ремезова 1695 г. О достаточно больших объемах добычи минерала говорит тот факт, что Яков Лапин привлекал к работе по 100 человек. И вряд ли слюда из Южного Зауралья расходилась лишь в ближайших окрестностях.

Sergei F. Tataurov

Candidate of History Science, Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the RAS (Russia, Omsk)
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Larissa V. Tataurova

Candidate of History Science, Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the RAS (Russia, Omsk)
E-mail: li-sa65@mail.ru

Gayaz Kh. Samigulov

Candidate of History Science, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: gayas_@mail.ru

MICA WINDOWS IN THE BUILDINGS OF TARA TOWN AND ITS OUTSKIRTS
IN THE 17TH–18TH CENTURIES: ARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTION

Mica was widely used in Russia in the 17th–18th centuries as the material inserted into the window frames. Thin mica plates were translucent, so that daylight penetrated into the room. Materials of archaeological study of the Tara town and nearest settlements allow to reconstruct some characteristic features of using mica during this period. At an early stage of the town history (1595–1629) mica windows were used only for churches and houses of rich citizens. By the end of the 17th century mica became quite accessible for the ordinary townfolk and population of surrounding villages. As result of regular fires in 18th century Tara was re-planned and the main part of city constructions became made by stone. In the second half of 18th century four churches and a significant number houses were built by stone. Stone construction and availability of window glass led to a gradual replacement of mica by the end of the 18th century. Archaeological finds in Tara. Allowed to reconstruct main characteristics of mica windows. Were reconstructed the large composite mica window from the church of St. Boris and Gleb which burnt in a fire in 1629. Archival and bibliographic researches allowed to find out that since the first third of the 17th century mica was produced in the Ural. By the end of this century, the mine were already industrial in scale. The extract of mica was conducted until the end of the 18th century. There is a high probability that the Ural mica was used by residents of Tara town and its surroundings.

Keywords: *Tara, 17th–18th centuries, mica window, archaeology, craft, reconstruction, trade*

³⁰ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб, 1786. Ч. 2, кн. 1.

³¹ См.: Преображенский А. А. Указ. соч. С. 234.

Архивные документы свидетельствуют о появлении сибирской слюды на рынках Европейской России, где это «проникновение» вызвало некоторый переполюх.³¹ Однако основная часть слюды, добытой близ озера Чебаркуль и реки Увелки, шла на снабжение сибирских городов — Тобольска, Тюмени, Тары и т. д.

Подводя итог, на примере Тары мы можем констатировать достаточно быстрое развитие производства слюдяных окон в первых русских городах Западной Сибири. Сырье поступало из уже известных к тому времени уральских месторождений, и только во второй половине XVII в. наблюдается постепенное расширение добычи сибирской слюды. Собственно технология изготовления окончин пришла с первопоселенцами из мест их выхода и каких-либо изменений на протяжении XVII в. не претерпела.

REFERENCES

- Alisov D. A., Goncharov Yu. M., Ivonin A. R., Matveev A. V., Tataurov S. F., Tataurov F. S., Tikhonov S. S., Tikhomirov K. N., Tikhomirova M. N. *Tara v XVI–XIX vekakh — rossiyskaya krepost na beregu Irtysha* [Tara in the 16th–19th centuries — a Russian fortress on the bank of the Irtysh River]. Omsk: “Amfora” Publ., 2014, 332 p. (in Russ.).
- Artemev A. R. *Goroda i ostrogi Zabaykalya i Priamurya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vv.* [The cities and castles of Transbaikalia and the Amur Region in the second half of the 17th–18th centuries.]. Vladivostok: DVO RAN Publ., 1999, 335 p. (in Russ.).
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F. *Mangazeya* [Mangazeya]. Moscow: Nauka Publ., 1981, part 2, 147 p. (in Russ.).
- Bogomolov V. B., Tataurov S. F. [Collection of shoes from the excavations of the city of Tara in 2009]. *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2010, pp. 91–96. (in Russ.).
- Chernaya M. P. [“Skroz a small window skosatyaet... Skroz glass to a glasshouse”]. *Kultura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [The Russian culture in archaeological research]. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan Publ., 2014, vol. 1, pp. 307–312. (in Russ.).
- Chernaya M. P. *Voevodskaya usadba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Provincial estate in Tomsk. 1660–1760s: historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: ID “Print” Publ., 2015, 276 p. (in Russ.).
- Dubovik M. M., Libman E. P. *Dve zhizni chudesnogo kamnya: Iz istorii slyudyanogo promysla v Rossii* [Two lives of a wonderful stone: from the history of mica fisheries in Russia]. Moscow: Nedra Publ., 1966, 188 p. (in Russ.).
- Kiselev I. [Mica laminas]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative art of the USSR], 1981, no. 4, pp. 15–18. (in Russ.).
- Knyazhitskaya T. V. [“Windows into the past”. Old Russian windows are a forgotten heritage of a bygone culture]. *Mir muzeya* [World of the museum], 2001, no. 7, pp. 4–7. (in Russ.).
- Krikh A. A. *Etnicheskaya istoriya russkogo naseleniya Srednego Priirtyshya (XVII–XX veka)* [Ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh (17th–20th century)]. Omsk: ID “Nauka” Publ., 2012, 295 p. (in Russ.).
- Kurlaev E. A., Mankova I. L. *Osvoenie rudnykh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII v.: u istokov rossiyskoy promyshlennoy politiki* [The development of ore deposits in the Urals and Siberia in the 17th century: the origins of Russian industrial policy]. Moscow: “Drevlekhranilishche” Publ., 2005, 324 p. (in Russ.).
- Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1936, part 1, 631 p. (in Russ.).
- Opolovnikov A. V. *Russkoe derevyannoe zodchestvo. Pamyatniki shatrovogo tipa. Pamyatniki kletskogo tipa i malye arkhitekturnye formy. Pamyatniki yarusnogo, kubovotogo i mnogoglavogo tipa* [Russian wooden architecture. Monuments of tent type. Monuments of the cage type and small architectural forms. Monuments of longline, cube and multi-headed type]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, 312 p. (in Russ.).
- Preobrazhenskiy A. A. *Ural i Zapadnaya Sibir v kontse XVI — nachale XVIII v.* [Ural and Western Siberia in the late 16th — early 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 1972, 261 p. (in Russ.).
- Samigulov G. Kh. *Ot Dalmatova monastyrya do Chebarkulskoy kreposti* [From the Dalmatovo Monastery to the Chebarkul Fortress]. Chelyabinsk: “Kniga” Publ., 2011, 344 p. (in Russ.).
- Serebryanik I. A. [Mica: the past and present of a valuable mineral]. Available at: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1429005992> (accessed: 15.12.2016). (in Russ.).
- Tataurov S. F., Chernaya M. P. [Earth annals of Tara: archaeological commentary on the history of the city]. *Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: the experience of interdisciplinary research]. Barnaul: ALGU Publ., 2015, pp. 86–91. (in Russ.).
- Ukhanova I. N. [Mica in Russian folk art]. *Muzey russkogo narodnogo iskusstva i khudozhestvennyye promysly* [Museum of Russian folk art and art crafts]. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo Publ., 1972, iss. 5, pp. 148–168. (in Russ.).
- Vilkov O. N. *Remeslo i torgovlya Zapadnoy Sibiri v XVII v.* [Craft and trade of Western Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka Publ., 1967, 324 p. (in Russ.).
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G. *Mangazeya: novye arkhologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: new archaeological research (materials 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: “Magellan” Publ., 2008, 296 p. (in Russ.).